Протоиерей В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

История русской философии

Александр Матвеевич Бухарев, в монашестве архим. Феодор (1824—1871), родился в семье диакона в Тверской губ<ернии>, по окончании Тверской семинарии поступил в Московскую Духовную академию, которую окончил 22 лет. Незадолго до окончания Академии Бухарев принял монашество — не без колебаний. В Москоской же Духовной академии Бухарев профессорствовал (по кафедре Свящ. Писания), но с 1854 г. занял кафедру догматики в Казанской академии и одновременно состоял инспектором Академии. Через четыре года из-за трений с ректором Академии он покидает профессуру и получает должность в Комитете духовной цензуры в Петербурге и в это время развивает очень большую творческую работу как по чисто богословским, так и по общим вопросам. Особенно много работал он над книгой по истолкованию Апокалипсиса. Но над ним уже сгустились новые тучи — его жизнь была омрачена совершенно неприличной и резкой полемикой, которую вел против него некий Аскоченский, сам прошедший Духовную академию (в Киеве) и ставший издателем журнала «Домашняя беседа». Когда Бухарев издал отдельной книгой ряд своих статей под общим заглавием «О православии в отношении к современности» (Петербург, 1860 г.) — об этой книге скажем ниже, — то это вызвало исключительно яростную критику со стороны Аскоченского, который заявил, что всякий человек, «ратующий за православие и протягивающий руку современной цивилизации, — трус, ренегат и изменник». Эта полемика имела печальные последствия для архим. Феодора — ему пришлось оставить должность цензора, духовные журналы стали отказываться печатать его статьи, а когда архим. Феодор задумал печатать свою книгу об Апокалипсисе, то, по доносу Аскоченского, Синод запретил издание этой книги. Это было последней каплей, переполнившей чашу его терзаний, и он ре-

шил оставить монашество, за невозможностью для его сознания исполнить первый монашеский обет — послушания. Во имя духовной свободы он вышел из монашества (в 1863 г.), вскоре женился и прожил в очень тяжких условиях еще 8 лет, так же пламенно защищая свои идеи, как и раньше. Жизнь его оборвалась на 47-м году.

Мы не будем входить здесь в общую характеристику богословских взглядов архим. Бухарева и остановимся лишь на его отношении к проблеме «мирской» культуры. Самое замечательное у Бухарева то, что, твердо исповедуя существенное различие Божественной сферы и «мирской» стихии (в греховном ее состоянии)*, Бухарев вместе с тем глубоко ощущал Божий свет *всюду в мирской жизни*. Противопоставление Церкви и культуры здесь, по существу, уже *выпадает* как мнимое или нарочито раздуваемое: поскольку деятелями культуры являются христиане, постольку здесь не может быть действительного противоположения. Это противоположение преувеличивается именно затем, чтобы затемнить лучи христианской силы и правды в культуре. «Должно стоять за все стороны человечества, — писал Бухарев**, — как за собственность Христову... и подавление, и стеснение, а тем более отвержение чего бы то ни было истинно человеческого есть уже посягательство на самую благодать Христову». «Православию надобно быть как солнцу во всей гражданской жизни, во всем круге наших знаний, искусств, служебных отношений» («О православии...», с. 316). Потому Бухарев и вооружается против стремления установить житейские и гражданские дела в совершенной отдельности от христианских начал (там же, с. 197). Бухарев высказывает интересную и глубокую мысль о «нынешнем арианстве, которое не хочет видеть во Христе истинного своего Бога... во всей области наук, искусств, жизни общественной и частной» (там же, с. 64). Бухарев резко бичует эту «пугливость перед Божественным» (там же, с. 223), это нежелание видеть, что «творческие силы и идеи есть... не что иное, как отсвет того же Бога-Слова». Он упрекает в этом именно церковных людей — тех, в ком «духовное сознание истины в одном Христе связывается с какой-то страшливостью и беспощадностью относительно всего, не носящего открыто печати Христовой» («Три письма...», с. 5). Бухарев сам глубоко ощущал эту «скрытую теплоту» Христовой Церкви именно там, где по внеш-

---

* Три письма к Гоголю. (Петербург, 1861). С. 58.

** *Бухарев*. О православии в отношении к современности. (Петербург, 1860). С. 20.

ности ничто не говорило о Христе, и его задачей было восстановить «принадлежность Христу» этих мнимовнехристианских явлений. Он говорит (явно о себе) об «одном человеке, входившем в темные глубины мысли, извратившей Христову истину в новейшей философии», — и этот человек «был поражен *обилием Христова света, открывшегося здесь верующей мысли*» («О православии...», с. 42). Суть в том, чтобы именно «верующей мыслью» взглянуть на современную культуру, и тогда откроется «скрытая теплота» Христова дела даже там, где как будто не осталось и следа христианства. У Бухарева есть один отрывок (там же, с. 43–45), в котором он истолковывает развитие мысли от Фихте до Гегеля как одностороннее, и потому неверное, утверждение учения о Богочеловечестве, — мысль эту впоследствии, хотя и по-другому, развил о. Сергий Булгаков в своем выдающемся труде «Tragödie d. Philosophie». Потому Бухарев не боится высказать мысль, что «Христос как Агнец Божий взял на себя и философские грехи» (там же, с. 45), не боится высказать интересную богословскую мысль о «тайне Христовой благодати относительно человеческой мысли» (там же, с. 45).

В этих положениях дано основание не только для принятия современной культуры, но и для уяснения того, как христианину действовать в условиях современности. Тот дух свободы, который с исключительной силой чувствовал сам Бухарев, *выбивает всякую почву у всякого секуляризма*, противопоставление Церкви и культуры сознается как мнимое и лишь нарочито раздуваемое. Всякое стеснение свободного творчества в культуре Бухарев изображает как «прекращение *богослужения мысли и сердца*» (там же, с. 65)... Не нужно видеть во всем этом какой-то благодушный оптимизм, который хочет усмотреть христианский смысл в том, что совершенно ему чуждо. Наоборот: основная установка Бухарева состоит в усмотрении именно *скрытого* христианского смысла новейшей культуры, — а ее внехристианской поверхности он не отрицает. Бухарев *внутренне свободен* от психологии секуляризма, — и в этом вся вдохновляющая сила его идей. Он верит (там же, с. 66–67), что «будет время, когда мысленные и нравственные борения нашего времени будут выясняться и раскрываться совершенно на тех же живых основаниях, на каких Св. отцы низлагали древних еретиков, и когда многое, *мнящее себя православным*, окажется более сродным с неправославным». Для Бухарева «язвы и струпы общественные, обнажение которых составляет у нас ныне обычный предмет слова и письменности, в сущности своей, суть язвы и струпы той духовной проказы, *которой больны сами христиане*» (там же, с. 209).

И беды, и радости современности восходят в своей подлинной основе к христианским началам современности: беды происходят от уклонения от этих начал, радости — от принятия и следования им. *Истинная человечность раскрывается в нас лишь при верности Христу*: «Если человек выдерживает правую сообразность и верность Сыну Божию Христу, *то он верен и своему человеческому достоинству*» («О православии...», с. 307).

Бухарев был противником высокомерного отношения к западному миру: «Для нас самих было бы всего опаснее и бедственнее для того отказаться от братства с западными народами, чтобы не хотеть ничем и попользоваться от этих народов» (там же, с. 317). «И само православие, которым мы обладаем... дано нам для всего мира... Оно делает нас *должниками* перед прочими народами». С этой верой во «всемирный» смысл православия (там же, с. 317) Бухарев имел смелость подходить к западному христианству.

Флоровский очень сурово оценивает построения Бухарева, упрекает его в том, что у него много сентиментальности, что он был утопистом, что в нем было много «несдержанного оптимизма», наконец, что он «не мог решить той задачи, которой занимался всю жизнь». Упреки эти звучат очень странно и необоснованно. То, что называет Флоровский сентиментализмом, у Бухарева было на самом деле глубоким прозрением «скрытой теплоты», исходящей от Церкви и согревающей современную культуру. Если Гоголь был «пророком православной культуры», то Бухарев дает уже положительное раскрытие православного восприятия современности, И конечно, ценнейшие течения последующей русской религиозной мысли (Вл. Соловьев в части своих построений, особенно о. Сергий Булгаков), даже у тех, кто, как Розанов, всегда оставался лишь «около церковных стен», являются прямым продолжением того «богословия культуры», которое строил Бухарев. Строил у нас богословие культуры и Чаадаев, — но строил его, вдоховляясь западным христианством и под влиянием французской философии «традиционалистов». Богословие же культуры у Бухарева изнутри связано с православием, — и в преодолении секуляризма изнутри и заключается то главное, за что всегда будет поминаться имя Бухарева.